

Всем женщинам,
ставшим мне сестрами,
и особенно Клэр

Я говорю:

— Поверить не могу, что ты приехал.

— Я тоже. — Он замешкался. — Ты со мной?

Поверить не могу, что он еще и спрашивает.

Я поеду с ним куда угодно.

— Да, — отвечаю я. Кажется, другого слова для меня сейчас не существует. Здесь только мы вдвоем. Все, что случилось этим летом, и все, что происходило между нами все эти годы, вело нас сюда. К этому моменту.

Глава 1

Ехали мы ужасно долго. Стивен, мой брат, вел машину еще медленнее, чем наша бабуля. Я сидела впереди, рядом с ним, закинув ноги на панель. Мама дремала на заднем сиденье. Но даже во сне вид у нее был такой настороженный, что казалось, она в любую секунду могла проснуться и начать указывать путь.

— Давай быстрее, — поторопила я Стивена, пихая его в плечо. — Обгони уже этого малыша на велике.

Стивен пропустил мои слова мимо ушей.

— Никогда не трогай водителя и убери грязные лапы с моей панели.

Я посмотрела на свои вполне чистые ступни.

— Это не твоя панель. Не забывай, что скоро эта машина станет моей.

— Только если ты получишь права, — усмехнулся брат. — Вообще, я бы запретил садиться за руль таким, как ты.

— Глянь-ка, — сказала я, указывая на дорогу, — парень в инвалидном кресле только что нас догнал!

Стивен проигнорировал меня, и тогда я стала переключать радиостанции. Обожаю слушать радио в дороге.

Могу сказать, что знаю местные радиостанции как свои пять пальцев. И чувствую трепет в груди, когда нахожу Q94, это значит, что мы уже подъезжаем к побережью.

Я нашла любимую станцию, на которой передавали все: и поп, и ретро, и даже хип-хоп.

Том Петти¹ исполнял *Free Fallin'*, и я запела вместе с ним.

*Она — хорошая девочка, она любит маму,
Любит Иисуса и Америку,
Она — хорошая девочка, она сходит с ума по Эл-
вису Пресли,
Любит лошадей и своего парня.*

Стивен уже было потянулся, чтобы выключить радио, но я тут же оттолкнула его руку.

— Белли, от твоего пения мне хочется направить машину прямо в океан. — Он дернул руль, будто и вправду собрался съехать с дороги.

Я запела еще громче, от чего проснулась мама и запела вместе со мной. У нас с нею совершенно нет голоса, и Стивен замотал головой, изображая свое фирменное отвращение. Он ненавидит оставаться в меньшинстве. Больше всего его напрягает то, что после развода родителей он остался единственным мужчиной в семье и на его стороне больше нет папы.

Мы медленно ехали по городу, и, несмотря на то что я только что дразнила за это Стивена, сейчас я наслаждалась этой поездкой, этим моментом. Мне было радостно снова видеть «Крабовую лавку Джимми», мини-гольф, магазинчики для любителей серфинга. Я будто возвращалась домой после долгого-долгого отсутствия. Лето здесь сулило тысячи приятных сюрпризов.

---

¹ Петти, Том (р. 1950) — американский рок-музыкант.

Чем ближе мы подъезжали к дому, тем чаще билось мое сердце. Мы почти на месте.

Я опустила стекло и глубоко вдохнула. Соленый морской бриз, ветерок, спутывающий волосы, запахи и звуки — все здесь осталось по-прежнему, как будто ждало моего приезда.

Стивен ткнул меня локтем.

— Думаешь о Конраде? — насмешливо спросил он.

Я отрезала:

— Нет.

Мама просунула голову между передними сиденьями.

— Тебе что, все еще нравится Конрад? Прошлым летом мне показалось, что между тобой и Джереми что-то происходит.

— Что?! Ты и Джереми? — Стивен сделал вид, что его вот-вот вырвет. — Что у вас с Джереми?

— Ничего, — ответила я им обоим и почувствовала, что краснею. Жаль, что я еще не успела загореть, и это всем заметно. — Мам, то, что мы хорошие друзья, не значит, что между нами что-то есть. Пожалуйста, давай больше не будем возвращаться к этой теме?

Мама откинулась на сиденье.

— Хорошо, — произнесла она так решительно, что я знала: Стивен больше не посмеет что-нибудь сказать по этому поводу.

Но мой брат не был бы самим собой, если бы не попытался.

— Что у вас с Джереми? Ты не можешь не рассказать о таком!

— Отстань. — Расскажи я Стивену что-нибудь в этом духе, и у него появится еще один повод меня дразнить. И к тому же рассказывать мне нечего.

Конрад и Джереми — сыновья Бек. Бек — это Сюзанна Фишер, в девичестве Бек. Только моя мама до сих пор зовет ее Бек. Они знают друг друга с девяти

лет и считают себя кровными сестрами, они даже показывали шрамы в форме сердечек на запястьях в доказательство.

Как-то раз Сюзанна сказала мне, что когда я родилась, она сразу поняла, что мне суждено быть с одним из ее мальчиков. Она сказала, что это судьба. Мама обычно не принимала участия в подобных беседах, но тогда она согласилась, что это было бы просто замечательно, особенно если перед этим у меня будет пара других влюбленностей. На самом деле она сказала «любовников», но меня от этого аж передернуло.

Сюзанна взяла меня за лицо и сказала:

— Белли, я даю тебе свое благословение. Я даже представить не могу, что кто-нибудь из моих мальчиков будет с кем-то, кроме тебя.

Сколько себя помню и даже, наверное, до моего рождения, мы каждое лето приезжали в летний домик на пляже. Для меня Казенс был не просто городком, а именно домом. Моей вселенной. В нашем распоряжении был целый пляж. Сам дом тоже заключал в себе массу интересного: широкую веранду, по которой мы любили бегать, кувшины с холодным чаем, бассейн, где мы купались по ночам, но главное — там были мальчики.

Мне всегда было любопытно, как мальчики выглядят в декабре. Я пыталась представить их, стоящими у елки в клюквенно-красных шарфах и свитерах, с розовевшими от мороза щеками, но что-то в этой картине было не так. Я и понятия не имела, как Джереми и Конрад выглядят зимой, и завидовала всем, кто это знал. Я всегда видела их загорелыми, с облупленными носами, в шлепанцах, на пляже, в воде. Какими они были с другими девушками, когда играли в снежки? С теми, кого обнимали, когда ждали, пока прогреется машина, или с теми, кому отдавали свои куртки, когда на улице было морозно? Хотя не думаю, что Конрад

так поступал, это не в его стиле. Вот Джереми, да, возможно. Но в любом случае, картину это не проясняло.

Сидя у обогревателя в классе истории, я порой гадала, чем они сейчас заняты. Может, тоже где-нибудь греются у обогревателя и считают дни до начала лета? Зимы для меня как будто не существовало. Лето было для меня всем, и только летом моя жизнь имела значение. А до июля, пляжа и этого дома я словно и не жила.

Конрад — самый старший из нас, старше Джереми на полтора года. Он мрачный, угрюмый, совершенно непостижимый. Его губы всегда ухмыляются, и я часто ловлю себя на мысли, что не могу отвести от них глаз. Мне хочется стереть эту ухмылку с его лица поцелуем. Может, даже не насовсем, а только так, чтобы управлять ею. Приручить ее. Так же, как я хотела бы, чтобы Конрад стал моим.

Джереми просто мой друг. Он всегда добр ко мне. Он из тех парней, кто не стыдится обнимать маму и держать ее за руку, несмотря на то, что сам уже не ребенок. Это его не смущает. Джереми Фишер вообще слишком занятой человек, чтобы у него было время смущаться.

Я думаю, в школе Джереми гораздо популярнее Конрада, и могу поспорить, что девчонкам он нравится больше. И если бы не футбол, на Конрада вообще никто не обращал бы внимания. Тогда бы он был всего лишь тихим, угрюмым Конрадом, а не футбольным богом. Как раз таким, каким он мне и нравился. Мне нравится, что Конрад предпочитает проводить время в одиночестве, играя на гитаре. Кажется, что все эти глупые заморочки старшей школы его вообще не волнуют. Мне нравится размышлять о том, что если бы Конрад учился в моей школе, то тогда он не занимался бы футболом, а был бы тихоней и обращал бы внимание на таких, как я.

Когда мы наконец подъехали к дому, парни уже ждали нас, сидя на крыльце. Я перевалилась через Стивена и посигналила два раза, что на нашем языке означало *«Идите и помогите с чемоданами»*.

У Конрада недавно был день рождения, ему исполнилось восемнадцать. Сложно поверить, но он стал еще выше, чем прошлым летом. Сейчас его темные волосы были коротко подстрижены. А вот у Джереми волосы еще больше отросли, отчего он казался лохматым, но в хорошем смысле, он стал выглядеть прямо как какой-нибудь теннисист из семидесятых. Когда Джереми был маленьким, его курчавые волосы выгорали до оттенка платины, и он терпеть не мог свои кудряшки. Как-то раз Конрад убедил его, что волосы выются от того, что он ест много хлебных корочек, и Джереми перестал есть корочки от сэндвичей. Так Конраду доставалось в два раза больше. Хотя со временем волосы Джереми действительно перестали виться и стали просто волнистыми.

Мне очень не хватает тех кудряшек. Сюзанна называла его ангелочком, и он действительно был похож на розовощекого златокудрого ангела. К счастью, щеки у него все такие же румяные.

Джереми сложил руки рупором и заорал:

— Сти-и-ив!

Я сидела в машине и наблюдала за тем, как Стивен направился к ним, и они принялись обниматься и хлопать друг друга по плечам. Воздух был соленым и влажным, будто в любую секунду мог пойти дождь. Я притворилась, что завязываю шнурки на кроссовках, но на самом деле мне хотелось запечатлеть в памяти этот момент, посмотреть на них и на дом, еще немного побыть в одиночестве.

Дом был большим, серо-белым, он выглядел точно так же, как и все соседние, но был намного лучше.

Он просто был таким, каким должен быть дом на побережье, — родным.

Мама тоже вышла из машины.

— Привет, мальчики. Где ваша мама? — крикнула она.

— Привет, Лорел. Она решила вздремнуть, — крикнул Джереми в ответ. Обычно Сюзанна выбегала навстречу, как только подъезжала машина.

Мама в три шага преодолела расстояние между ними и сжала каждого в объятиях, таких же крепких, как и ее рукопожатие. Сдвинув на макушку солнцезащитные очки, она вошла в дом.

Я вышла из машины и закинула сумку на плечо. Сначала они даже не заметили моего приближения. Но потом — о, да! — заметили. Конрад окинул меня оценивающим взглядом, таким, каким в последнее время все чаще смотрят на меня парни в торговых центрах. Прежде он никогда так на меня не смотрел. Ни разу. Я почувствовала, что начинаю краснеть, как несколько минут назад, в машине. Джереми, казалось, сначала меня вообще не узнал. Все произошло за три секунды, но по ощущениям длилось дольше, намного дольше.

Конрад первым обнял меня, но это было мало похоже на объятие, слишком уж осторожное, такое, будто он старается держаться от меня подальше. Он совсем недавно подстригся, и кожа на его затылке была розоватая и нежная, как у младенца. Он пах океаном.

— В очках ты мне больше нравилась, — прошептал он мне на ухо.

Это было неприятно. Я оттолкнула его и сказала:

— Что ж, очень жаль, линзы я не сниму.

Он улыбнулся, и эта улыбка поразила меня в самое сердце. Его улыбка каждый раз делала со мной такое.

— Кажется, появилось несколько новых, — проговорил он, касаясь пальцем моего носа. Он прекрасно

знал, как я ненавидела свои веснушки, но каждый раз дразнил меня.

Джереми подхватил меня и буквально поднял в воздух.

— Белли, ты так выросла! — закричал он радостно. Я засмеялась.

— Поставь меня, — велела я. — От тебя воняет потом.

Джереми расхохотался.

— Все та же Белли, — сказал он, но посмотрел на меня так, будто не был полностью в этом уверен.

Он склонил голову набок:

— Что-то в тебе изменилось, Белли.

Я напряглась, ожидая какого-нибудь подкола.

— Просто у меня теперь линзы. — Я тоже не могла привыкнуть к себе без очков. Моя лучшая подруга Тейлор с шестого класса пыталась убедить меня носить линзы, и в конце концов я прислушалась.

Он улыбнулся.

— Не в этом дело. Ты просто выглядишь иначе.

Я вернулась к машине, а парни последовали за мной. Мы быстро разгрузили багаж, и, как только закончили, я взяла чемодан и сумку и направилась прямым ходом в свою комнату.

Я всегда останавливалась в старой девичьей спальне Сюзанны. Там были выцветшие обои и белый спальный гарнитур. И музыкальная шкатулка, которую я очень любила и хранила в ней свои украшения. Когда я ее открывала, в ней под старую добрую заглавную тему из «Ромео и Джульетты» кружилась балерина. Все в этой комнате было старым и выцветшим, но это мне в ней и нравилось. Мне казалось, что у каждой вещи здесь — у стен, кровати с балдахином и, особенно, у музыкальной шкатулки — есть свои секреты.

Я почувствовала, что мне нужна небольшая передышка после встречи с Конрадом, особенно после

того, как он смотрел на меня. Я схватила с туалетного столика белого плюшевого медведя и прижала к груди. Его звали Джуниор Минт или просто Джуниор. Обнимая его, я села на свою большую кровать. Сердце билось так громко, что я слышала каждый удар. И вроде все было как прежде, но в то же время что-то изменилось. Они смотрели на меня как на девушку, а не как на чью-то младшую сестру.